

УДК 811.161.1=811.161.2=162.1

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ В РУССКОМ, УКРАИНСКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Щербачук Л. Ф.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: Lidiya_shch1@mail.ru*

В статье анализируются фразеологизмы русского, украинского и польского языков, отражающие национальную специфику кодирования морально-этических народных воззрений. Семантика и этимологический фон фразеологических универсалий декодируют коллективное сознание, отражают национальную картину мира и духовные ценности. Универсалия ГРЕХ была и остается одним из важнейших для обыденного сознания человека. Она регламентирует поведение и регулирует отношения индивида и социума, задавая нравственные ориентиры.

Ключевые слова: фразеологизм, нравственность, духовность, кодирование, национальное сознание.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что, по мнению некоторых исследователей, в XX – XXI вв. происходит переоценка нравственных приоритетов и ценностей, кумулятивные свойства языка сохранили до настоящего времени христианский компонент в лингвокультурном пространстве современных славянских языков. В последние десятилетия повышенное внимание лингвистов направлено на объяснение ментальных и психологических процессов человеческого сознания при помощи языковых средств, на изучение межъязыковых отношений и связанных с ними специфических процессов и явлений. На таковом фоне особо выделяются исследования, посвященные глубинным связям между духовной культурой и фразеологией определенного народа. Бесспорно, в образной природе фразеологических единиц (ФЕ) ярко отражается национальная картина мира, мифологические и религиозные представления, в которых проявляются культурно-исторические, духовные ценности. По мнению Ю. Д. Апресяна [2], каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия, концептуализации мира, выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, а «в ФЕ как «особой форме отражения» происходит *кодирование* и *категоризация* знания в знаково-символической форме, которые одновременно обогащают его совокупным социальным опытом, упорядочивают и организуют в тех или иных косвенно-производных устойчивых сочетаниях языковых форм» [1, с. 78–79].

Объектом исследования, которое проводилось на фразеографическом материале русского, украинского и польского языков [6; 8; 11; 13; 14; 16; 17; 18; 19; 20; 22; 23], является специфика фразеологического кодирования морально-этических народных воззрений. Предметом студий определена универсалия *грех*, как феномен национальной картины мира носителей языка, которая регламентирует

поведение, регулирует отношения индивида и социума, задавая нравственные ориентиры.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Анализ светской и богословской литературы показывает, что *грех*, будучи одним из ключевых понятий христианства, определенным маркером нравственности, истолковывается неоднозначно даже служителями церкви, и остаются спорные вопросы, касающиеся его осмысления. Например, не установлены границы понятия *грех* и нет однозначного ответа на вопрос о том, какой из пороков считается для христианина более значимым [10].

Несмотря на то, что в религиозной философии отсутствует общепринятое понимание *греха*, его образ глубоко проник в христианскую культуру. О сущности *греха* размышляли и размышляют писатели, религиозные философы, лингвисты (Е. Бартминьский, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, О. В. Ваховская, А. Вежицкая, В. Вундт, В. И. Даль, Ф. М. Достоевский, В. Гюго, Н. О. Козина, Н. С. Лесков, Ф. Ницше, В. С. Соловьёв, Л. Н. Толстой, П. А. Флоренский и др.). Он аккумулирует базовые ценности в области мифологии, философии, религии, морали, сложившиеся в процессе развития цивилизации. Данное понятие уходит своими корнями вглубь истории. Зародившееся во времена язычества, оно стало одним из центральных понятий всех мировых религий, в том числе христианского вероучения. Для мифологического сознания *грех* есть нарушением табу. В христианстве понятие *грех* есть в основном библейским, вытекает с идеи неразрывной связи с Богом и имеет исключительно моральное содержание. Богословие детально разработало понятие первородного греха, сделало попытку определить номенклатуру, разработать классификацию грехов (Ф. Аквинский, И. Златоуст), количество которых меняется до настоящего времени (Папа Бенедикт XVI).

О важности и необходимости понятия *грех* для христианина писали Ф. Аквинский, И. Дамаскин, К. Александрийский и другие отцы церкви, религиозные писатели. Они стремились осмыслить понятие *грех* в рамках вероучения, довести его до сознания народа, а также расширить границы этого понятия. Так, Тертуллиан (II в.) ввел в терминологический аппарат церкви выражение *смертный грех* (ср. в Библии: *грех к смерти*, Первое послание Иоанна, 5:16). Степан Фиванский (VIII в.), стремясь сделать это понятие социальным, составил список греховных деяний, неприемлемых для монахов. Св. Иоанн Дамаскин (VIII в.) в трактате «Точное изложение православной веры» понятию *грех* отвел особый раздел «О боязни». Понятие *грех* имеет и естественнонаучное осмысление. *Грех* как отклонение от нормального состояния понимали В. И. Вернадский и его последователь Тейяр де Шарден, противопоставляя его *эволюции* (подробнее см.: Ю. С. Степанов [15, с. 910–918], Н. О. Козина [9, с. 293–303]).

Понятие *грех* было и остается одним из важнейших для обыденного сознания человека. Оно регламентирует поведение и регулирует отношения индивида и

социума, задавая нравственные ориентиры. Оно лично и социально, применимо к отдельному этносу и к человечеству в целом. Это понятие выступает одновременно как морально-этическая и социо-оценочная категория, которая осмысливается в разных культурах и имеет вербальное воплощение в разных языках. Подчеркнём, что ФЕ играют особую роль в создании языковой, фразеологической картины мира. Они – зеркальное отражение жизни нации, функционируют в роли культурных знаков и выступают как свёрнутые национально-культурные тексты. Фразеологизмы, как отмечает В. И. Кононенко, выступают яркой иллюстрацией эстетических и социальных ценностей, которые определяет тот или иной этнос [12, с. 34–36]. «Детерминационная зависимость сознания и культуры отражается и в ФЕ с компонентами-культурными символами. Символ как совокупность культурной информации, значение которой общеизвестно в определённой этнолингвокультурной среде, отражает культурно детерминированное этническое мировидение и является сущностью культурно-ментальной» [4, с. 102–106].

М. Л. Ковшова считает, что слово-компонент фразеологизма при этом становится своего рода культурным знаком, так как является именем культурной ситуации, именем ритуала, обряда и т.д. [3, с. 100]. Природа значения фразеологизмов тесно связана с фоновыми знаниями носителей языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. ФЕ приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, оценивают ее, выражают к ней отношение.

Лексикографические источники русского языка *грех* истолковывают как «поступок, противный закону Божию; вина перед Господом» [5, с. 51]. В польской этнокультуре *grzech – przekroczenie konkretnych norm moralnych i religijnych* [21]. В украинской – *грех* квалифицируется как нарушение заповедей Божьих, религиозно-моральных догм, наставлений итп.; также непорядочный поступок итп. [7, с. 157].

Основными репрезентантами понятия *грех* и его пространства во фразеологических системах русского, польского, украинского языков выступают ФЕ с одноименным компонентом *грех*, а также компонентами – производными от лексемы *грех*: *грешный, грешить*.

Следует также сказать относительно пространственных параметров рассматриваемого образа. Они в гуманитарных знаниях в основном указывают не столько на предметность, сколько на способы исследования в отдельных науках. Культурология, психология, социология, лингвистика и смежные науки выявляют историко-культурную и социальную нагрузку понятия *пространство*, ведь человек живет не в геометрическом пространстве. Органическая среда обитания человека не исчерпывается научной картиной мира, а требует описания при помощи языка, который отражает ежедневный опыт человека.

Исследования показали, что кодифицированная русская и украинская фразеология отражает как нравственное Новозаветное осмысление пространства *греха*, в соответствии с которым *грех* связан с духовной деятельностью человека и воспринимается как нарушение нравственных установок, моральных правил (например, укр. *набиратися гріха*. Робити те, що заборонено нормами

християнської моралі), так и старозаветное, где понятие *грех* пребывало в правовой сфере (например, русск. *не без греха*. Разг. 1. Не совсем честно, с нарушением закона, обязанностей, правил; кто-либо не совсем честен. 2. Кое-как, с ошибками; *падёт грех на голову*. Устар. Прост. Кто-либо будет обвинен в чём-то; наказан за что-либо; укр. *не минути гріха*. Вчинити щось недозволене, що має погані наслідки).

Полисемические ФЕ: русск. *брать грех на душу*, укр. *брати гріх на душу*, – отражают нравственную и правовую сферы *греха* (новозаветное и старозаветное).

Примеры свидетельствуют, что в сознании христиан закрепилось представление о том, что нравственные, моральные нормы могут нарушаться субъектом «добровольно»: русск. *есть (был) грех, долго ли до греха*. А также к нарушениям морально-этических норм можно побуждать субъекта, провоцировать: укр. *приводити до гріха кого, наводити на гріх кого і без додатка, підбивати на гріх, доводити/довести до гріха кого і без додатка*; польск. *warta grzechu*. żart. O kobiecie pęknej, rościągającej.

Не менее важным является тот факт, что *грех* можно предупредить, усилием воли не допустить грехопадения: укр. *відійти від гріха*.

Важной особенностью культурных констант является **образное** их представление посредством их же признаков. ФЕ русского, украинского и польского языков подтверждают, что в христианском сознании сложилось представление о квалификации грехов, и классифицируют их таким образом: 1) **первородный**. Так, во Фразеологическом словаре старославянского языка первородный *грех* именуется *грехом Адама*. В польском языке фразеологизм *grzech pierworodny* обозначает причину зла; 2) **обычные**: русск. *вот (экой) грех*; 3) **главные**: польск. *grzechy główne*; 4) **страшные, тяжкие**: русск. *грехи мои (наши) тяжкие*, польск. *grzech ciężki*; 5) **смертные**: русск. *смертельный (смертный) грех*. С точки зрения схоластической догматики в христианской религии – это грех, который нельзя искупить и который влечет за собой после смерти вечную муку в аду. Таких грехов семь: зависть, скупость, блуд, объедение, гордость, уныние, гнев [16, с. 162–163].

Так, **смертный грех** ассоциируется с нарушением заповедей (польск. *grzech śmiertelny* – przekroczenie przykazania w rzeczy ważnej z pełną świadomością i dobrowolnie), соизмеряется с неприятным, пренебрежительным отношением к кому-либо (русск. *как смертный грех дура, страшен*; польск. *brzydki jak grzech śmiertelny, jak siedem grzechów (głównych)*; укр. *як смертний гріх* зі сл. *поганий, гидкий* і т. ін. *зневажл.*

Грехи также можно характеризовать по возрастному признаку: русск. *грех юности*. Безрассудные ошибки, совершённые по неопытности, незрелости, незнанию; польск. *grzechy młodości*. Czyny wykraczające przeciw przyjętym normom postępowania, popełnione w młodym wieku nie w pełni świadomie, a mające mieć skutki w różniejszym życiu. Следует отметить, что понять всю информацию, заложенную во ФЕ, можно при анализе определённых словарных статей фразеологических тезаурусов славянских языков. Как видим, в семантике польского фразеологизма заложена информация о том, что грехи молодости могут иметь последствия в

дальнейшей жизни... А могут и не иметь?! Ответ находим и во Фразеологическом словаре старославянского языка, и в Энциклопедическом словаре библейских фразеологизмов, где авторы указывают на двоякое отношение Библии к грехам молодости: снисходительное, принимающее во внимание недостаток разума, свойственный юности, и неумение управлять своими страстями, или осуждающее безо всякого оправдания и снисхождения. Например, в 24 псалме Давида говорится об обращении его к Богу с просьбой о прощении юношеской связи с Версавией, замужней женщиной, как не сознательное нарушение Божьей заповеди, а бессознательное юношеское увлечение. И Давид не наказан. В Книге Иова описан противоположный случай: Иову Бог вменяет грех юности [6, с. 161]. Именно такой исход отражает польская пословица *grzechy młodości każe Bóg w starości*.

От первородного греха христианин омывается в таинстве крещения, но со временем искушается новым грехом [7, с. 157–158]. ФЕ свидетельствуют, что грешение на обыденном уровне не только привычно, но может быть и неизбежным фактом: польск. *żyć w grzechu*; укр. *не розминутися з гріхом; впадати в гріх, увійти в гріх*. В польских фразеографических источниках *grzechy* также квалифицируются как *свои* и *чужие*: *za jakie, za czyje grzechy*. Русская и украинская фразеология отражают закрепленную в христианском вероучении возможность искупления как своих, так и чужих грехов: а) добрыми деяниями: укр. *споконтувати свої гріхи, рятувати грішну душу*; б) чистосердечным признанием вины, ошибок и рассказыванием: русск. *нечего греха таить, что (чего) греха таить*; укр. *нічого гріха таїти*.

Аксиологическое пространство *греха* реализует универсальные оппозиции нравственно-этического порядка *хорошо / плохо*. Категорию *плохо* репрезентируют фразеологизмы: русск. *как на грех*; укр. *як на гріх*. Категорию *хорошо* – русск. *не грех*; укр. *не гріх*.

В ментальном пространстве христиан *грех* метафорически представляется как некая вещная сущность, которой присущи физические характеристики: 1) *лица*: русск. *грех попугал кого*; 2) *предмета*. *Грех*, как и любую вещь, можно положить, переложить: русск. *хватить греха на душу*; укр. *покласти гріх на кого; положити гріх на душу*. Польская фразеология фиксирует «присутствие» *греха* и в отсутствии чего-либо: *grzeszyć brakiem czegoś* (отличаться отсутствием какой-то черты, обычно дополнительной) или *nie grzeszyć tołentem, odwagą, punktualnością, urodą*, itp (не иметь таланта, ума, смелости, не отличаться пунктуальностью, красотой итп). *Грех* имеет объем, центр (польск. *jaskinia grzechu*), занимает соответствующее пространство, в которое можно войти (укр. *увійти в гріх*), его можно обойти (укр. *далі від гріха*) или обязательно встретить на своём пути (укр. *не розминутися з гріхом*).

ВЫВОД

Таким образом, образ *греха* имеет широкое семантическое пространство в русском, польском, украинском языках в виде кодифицированных во ФЕ с

компонентом *grzech* признаков отношения к морально-нравственным ценностям христиан. Семная структура ФЕ с компонентом *grzech* маркирует морально-этические нормы, которые выступают как соответствующие эталоны и лежат в сфере мотивированного поведения христианина.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и свете современных лингвистических парадигм : Монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М., 1974. – 367 с.
3. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры : материалы к словарю. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
4. Гутовская М. С. К вопросу о национальном во фразеологизме // Материалы XXXIX Международной филологической конференции «Фразеология и языковая динамика» / Под ред. Проф. Мокиенко В. М. и доц. Савченко А. В. – Greifswald – Санкт-Петербург, 2011. – С. 102–106.
5. Даль В. И. Большой иллюстрированный словарь русского языка: современное написание. – Москва : Астрель, 2010. – 992 с.
6. Дубровина К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 808 с.
7. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури : Словник-довідник [Текст] / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 703 с.
8. Жуков А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка / Жуков А. В. – М. : АСТ : Астрель, 2007. – 603 с.
9. Козина Н. О. Грех // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Москва : Гнозис, 2007. – 512 с.
10. Козина Н. О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «грех» (на материале лексических, фразеологических и паремических единиц) [Текст] : автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. О. Козина. – Иваново, 2003. – 20 с.
11. Коломієць М. П. Словник фразеологічних синонімів / М. П. Коломієць, Є. С. Регушевський; За ред. В. О. Винника. – К. : Рад. шк. 1988. – 200 с.
12. Кононенко В. І. Українська лінгвокультурологія : Навч. посіб. [Текст] / В. І. Кононенко. – К. : Вища шк., 2008. – 327 с.
13. Польско-русский фразеологический словарь: В 2 т. [Текст] / К. М. Гюлюмянц. – Мн. : Экономпресс, 2004. – Т. 1. А–М. – 688 с. – Т. 2. N–Z. – 718 с.
14. Словник фразеологізмів української мови [Текст] / уклад. В. М. Білоноженко, Гнатюк І. С., Дятчук В. В. та ін.; [відпов. ред. В. О. Винник]. – К. : Наукова думка, 2008. – 1104 с.
15. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
16. Фразеологический словарь русского литературного языка : В 2 т. / Сост. А. И. Фёдоров. М. : Цитадель, 1997. Т. I. – 391 с., Т. II. – 396 с.
17. Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Научно-исследовательская лаборатория МаГУ: отв. ред.. С.Г. Шулешкова, члены редколлегии: М. А. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 424 с.
18. Фразеологический словарь русского языка / Под редакцией А. И. Молоткова. – М. : Русский язык, 1986. – 543 с.
19. Bąba S. Podręczny słownik frazeologiczny języka polskiego / S. Bąba, G. Dziamska, J. Liberek. – Warszawa, 1998. – 775 s.
20. Gordyń J. Od Adama i Ewy zaczynać : mały słownik biblizmów języka polskiego / Jan Godyń. – Warszawa, 2006. – 215 s.

21. Grzech. Электронный ресурс. Режим доступа : <http://pl.wikipedia.org/wiki/Grzech> (дата обращения: 10.10.2015).
22. Kłosińska A. Słownik frazeologiczny PWN / Anna Kłosińska. – Warszawa, 2011. – 654 s.
23. Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami / Oprac. Anna Kłosińska, Elżbieta Sobol, Anna Stankiewicz. – Warszawa : PWN, 2005. – 594 s.

PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF MORAL AND ETHIC MARKERS IN RUSSIAN, UKRAINIAN AND POLISH LANGUAGES

Shcherbachuk L. F.

The article analyzes the phraseologisms of Russian, Ukrainian and Polish languages, reflecting the national specifics of coding of moral and ethic folk views. Semantics and etymological background of phraseological universals decode the collective consciousness, reflect the national picture of the world and spiritual values. The universal SIN has been and remains one of the most important for the ordinary human consciousness. It orders the behavior and regulates the relations of the individual and society, setting moral guidelines.

Key words: phraseologism, morality, spirituality, coding, national consciousness.